

Ш. Монтескье

Персидские письма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
Ш11

Ш11 **Ш. Монтескье**
Персидские письма / Ш. Монтескье – М.: Книга по Требованию, 2021. –
428 с.

ISBN 978-5-458-24712-2

Издание выпущено в 1936 году издательством "Academia". В книгу вошло одно из трех основных произведений великого французского философа-просветителя, основоположника географической школы в социологии Шарля Луи Монтескье - философский роман-трактат "Персидские письма". Вступительная статья Л.Е.Гальперина.

ISBN 978-5-458-24712-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

находившие в «еретическом» толковании «святых отцов» выход для своего возмущения политическими порядками в стране. Все это дополняли открытый, наглый разврат, самое пошлое ханжество и строжайшая цензура, направленная не только против свободного печатного слова, но и против частной переписки. Такова была обстановка, в которой росло широкое возмущение во всех слоях населения, шла умственная работа по изысканию способов изживания причин народных страданий, росла и множилась нелегальная литература, находившая многочисленных читателей.

На родине Монтескьё с ее живым, подвижным населением, любознательным и насмешливым, в этой живописной области, в которой оставили следы своего культурного влияния римляне, готы, арабы, англичане, где бушевали религиозные смуты и войны альбигойцев и Генриха II, — здесь эти оппозиционные настроения должны были найти наиболее живой отклик, а род Монтескьё сохранял живую связь с провинцией.

Десятилетним мальчиком отец поместил Шарля в коллеж оратории Жюлли¹ близ Мо. Коллеж славился своими преподавателями и прекрасным парком. Самое преподавание не было исключительно клерикальным. Наибольшее внимание уделялось классической литературе, и сам Монтескьё заявлял впоследствии, что не получил в коллеже истинного знания сущности католической религии, но в то же время отлично изучил древних классиков, стоическую философию и проник-

¹ Оратория — конгрегация духовных лиц, не дававших монашеских обетов; основана в Риме в 1564 г. д.у. Филиппом Гери, получила свое название от капеллы (оратории) при госпитале, где собиравлись для чтения только священных книг; члены назывались «ораторианами» также филиппинцы и «ли братья» в Триуме. Во Францию была переселена в 1611 году кардиналом Берюлем и дала с ране много видных ученых.

ся уважением к республиканским учреждениям и к гражданской свободе.

Согласно семейным традициям, молодому человеку предстояла служебная карьера. Дядя Шарля, Жан-Батист Монтескьё, бездетный вдовец, владелец крупного состояния, был президентом парламента в Бордо. После его смерти пост президента на общем основании, существовавшем для должностей во Франции того времени, должен был по наследству перейти вместе со всем его имуществом и племяннику. Ввиду этого юноша был посажен за изучение права. Дальше жизнь Монтескьё протекает очень характерно для практического гасконца, у которого рассудочность и скептицизм уживаются рядом с живым воображением, веселым нравом и фанфаронством. Он терпеливо разбирается в хаосе законоположений и комментариев, из которых состояло тогда очень мало кодифицированное французское право, «стал искать в них идею права», как он сам писал об этих занятиях. И действительно, Монтескьё умеет внести систему в пестрый материал, извлечь общие мысли, составить обобщающие выводы и наметить план для своих дальнейших научных занятий. В то же время он не поворачивается спиной и к жизни. Он любит общество, внимание которого он обращает на себя своим блестящим умом, остроумием и разносторонностью умственных интересов. Он сближается в Бордо с кружком образованных людей интересовавшихся литературой, наукой и искусством и положивших впоследствии основание Бордоской академии. Не сторонился он и дамского общества, в котором пользовался не меньшим успехом.

В 1713 году умер отец Монтескьё. Взявший на себя опеку над ним его дядя позаботился скорее женить племянника. И в данном случае практический расчет имел решающее значение. Выбор пал на безоб-

разную хромую девушку Жанну Лартиг, преимущество которой выражалось в солидном приданом в сто тысяч ливров и в наследственном праве на поместье ее отца. Своеобразное и характерное как бы оправдание этой женитьбе мы находим в развиваемом Монтескьё взгляде на брак. «Девушки, для которых только с браком открываются удовольствия и свобода, — говорит он в «Духе законов», — которые обладают умом, не осмеливающимся думать, сердцем, не смеющим чувствовать, ушами, не смеющими слышать, и глазами, не смеющими видеть, — девушки достаточно расположены к браку; но юношей к нему приходится побуждать. Так как роскошь монархии делает брак дорогим и обременительным, то побуждением к нему должно служить богатство, которое могут принести с собой жены, и надежды на потомство».

В 1716 году, после смерти своего дяди, Монтескьё унаследовал от него баронство и пост одного из трех президентов местного парламента. В том же году он был избран в члены Бордоской академии, в работах которой принимал самое деятельное участие. Ряд научных сочинений, которые он писал для академии («О системе идей», 1716; «Политика римлян в религиозных делах», 1716; «О различии гениев», 1717; «О причине эхо»; «О прозрачности тел»; «О тяжести»; «О морском приливе и отливе», 1720; «Об относительном движении», 1723; «Проект физической истории земли в прошлом и настоящем»), свидетельствует о разнообразии тем и областей знания, которые его интересовали. Помимо гуманитарных наук, Монтескьё изучает в это время, а затем и всю жизнь, медицину, физику, биологию, богатику и др. Занятия естественными науками вырабатывают в нем способность и привычку к систематическому собиранию и изучению

материалов и строгую последовательность в суждениях. «Основные определения «Духа законов», — говорит по этому поводу итальянский исследователь его сочинений Склотис, — исходят не от юриста, не от метафизика, а от геометра и натуралиста». Работа в академии дает Монтескьё возможность завязать сношения с обширным кругом ученых, писателей и политических деятелей, особенно после того, как были опубликованы его «Персидские письма».

Над «Письмами» он работал давно, в течение ряда лет, собирая самый разнообразный материал из всех отраслей знания, тщательно записывая и из текущей хроники факты, анекдоты, песенки, особенно из жизни придворных сфер. Богатое воображение художника сочетается в этой работе с разносторонними знаниями ученого, чтобы в живой и занимательной форме привлечь внимание читателя животрепещущими вопросами текущего момента. Здесь решаются проблемы государственного устройства, внутренней и внешней политики, вопросы религии, веротерпимости, ведется решительный и смелый обстрел самодержавного управления и, в частности, бездарного и сумасбродного царствования Людовика XIV, ярко показаны развал государственного аппарата, распад хозяйственной жизни, вся гниль и разврат придворного окружения. Стрелы попадают в Ватикан, осмеиваются монахи, министры, все общество в целом.

«Письма» появляются (1721 г.) в такой момент, когда Людовика XIV уже не было и на престоле сидел малолетний Людовик XV, а правил королевством регент, герцог Орлеанский, который своим легкомыслием в государственных делах и развращенностью несколько не уступал «королю-Солнцу», если еще не превосходил его; хозяйство страны, особенно после

финансовых спекуляций Джона Ло, доведено было до предельного разорения. Но в то же время потеряли свою силу те цензурные строгости, которые при Людовике XIV уничтожили всякую возможность появления свободного слова, обеспечив торжество лицемерному ханжеству. Даже в придворных сферах — в промежутки между оргиями — издевались над нравами прошлого царствования. Многочисленные памфлеты высмеивали ожесточенные споры богословов и подрывали авторитет духовной власти. Естественно, что книга, полностью отвечавшая запросам тогдашнего общества и написанная притом в изящной, общедоступной и занимательной форме, пришлась читателям по вкусу. Эпистолярная форма произведения и добавочный пикантный материал из жизни персидских гаремов, своеобразное построение с экзотическими аксессуарами, полные яркого остроумия и язвительной проныры описания, меткие характеристики дали возможность автору заинтересовать самую разнообразную публику до придворных кругов включительно.

Книга, много раз переизданная, создала шумную славу автору, хотя и скрывшемуся под псевдонимом, который, впрочем, весьма скоро был раскрыт. Монтескье не замедлил воспользоваться своим успехом, чтобы продвигаться дальше по пути славы и материальных достижений. Родной город становится ему тесен; он переезжает в Париж, где делается желанным посетителем научных кружков и изысканных салонов великосветских и придворных дам, и сближается с целым рядом влиятельных и интересных лиц, которые позднее помогают ему преодолеть козни и препятствия к получению звания члена Французской академии. Большое влияние оказал на него английский эмигрант, известный политический деятель Болинброк.

Выбрасывал время от времени на книжный рынок свои мелкие публицистические и научные работы, во славу ли высокопоставленной покровительницы или по поручению ученого общества, он в то же время неустанно копил материал для основного своего двадцатилетнего труда — «Духа законов» (1748 г.), который оказал огромное влияние на деятелей французской революции и на государственное устройство многих стран.

Уже в предшествовавшей своей работе, в «Размышлениях о причинах величия Рима и его упадка», Монтескьё устанавливает, что «общие причины, нравственные и физические, действуют в каждом государстве, возвышают, поддерживают или разрушают его. Все события стоят в зависимости от этих причин, и если случайный исход сражения, то есть частная причина, погубил какое-нибудь государство, то за этим скрывалась общая причина, в силу которой государство должно было погибнуть вследствие одной только битвы. Одним словом, главное течение истории народов влечет за собой все частные случаи».

Эта первоначальная формулировка философии истории Монтескьё находит дальнейшее свое развитие и обоснование в «Духе законов». «В этом бесконечном разнообразии законов и нравов они (люди) руководились не одной только своей фантазией», — полемически замечает он. Закон, по его формуле, есть постоянное отношение между известными явлениями, вытекающее из природы этих явлений. Наряду с божескими законами и законами природы и отношениями, ими определяемыми, существуют людские законы, устанавливающие взаимные отношения людей согласно с природой этих людей. Эти постоянные отношения видоизменяются сообразно с условиями, в которых живут

люди: физическими свойствами страны, ее климатом, качествами почвы, положением и величиною страны, образом жизни населения, степенью свободы, допускаемой государственными учреждениями, религией населения, его богатством, его торговлей, его нравами и привычками.

Эти взгляды значительно опережают взгляды французских просветителей XVIII века, которые в своих утверждениях и требованиях исходили из естественного состояния людей, из чистой абстракции — человеческой природы. Монтескьё также не чужд рационализма своего века; тем не менее он в основных своих рассуждениях и выводах держится исторической точки зрения как в трактовке прошлых эпох, так и в объяснении современных ему социальных отношений. Сохраняя воспоминания о своих юпопешеских увлечениях демократическим строем и широкими гражданскими правами, процветавшими в древних республиках Греции и Рима, он и в основном труде своей жизни стоит на страже прав человека, и гражданина, и знаменитая глава XI его книги, заключающая учение о государственных учреждениях, обеспечивающих политическую свободу, многократно перечитывалась и цитировалась наряду с «Общественным договором» Руссо — в боевые моменты революционными деятелями левого крыла. Между тем главные положения его учения о государственном устройстве, где он обнаруживает весьма умеренный либерализм, совершенно игнорировались в это время и нашли последователей и применение тогда, когда волны революции схлынули и у кормила правления стояли люди твердого буржуазного порядка. Выступая за веротерпимость и против инквизиционного судопроизводства, с большим блеском изобличая средневековые пережитки, борясь против сословных и корпора-

тивных привилегий, он в то же время народоправству отводит место только в малых государствах, а для крупных европейских держав рекомендует монархию. При этом монарху, которому принадлежит исполнительная власть, предоставлено право приостанавливать решения представительных собраний. В этих последних граждане, выделяющиеся своим богатством и происхождением, пользуются преимущественными избирательными правами. Мало того: чтобы их интересы никоим образом не могли пострадать от решений демократии, **учреждается** особое законодательное собрание, наделенное правом отменять эти решения. Правда, Монтескьё все учреждения подчиняет законам государства, но если учесть тот порядок, которым эти законы издаются по его рецепту, то он предстанет пред нами крайне робким «конституционалистом», как его называл Энгельс, сугубо умеренным либералом, который к тому же был очень высокого мнения о значении аристократии в государственной жизни.

Виднейший ученый своего времени, с большой страстью отдававшийся разносторонним научным исследованиям, Монтескьё в то же время широко и полно умел пользоваться благами жизни, не колебавшись для достижения практических целей жениться по расчету на безобразной и бесцветной девушке, произнести после принятия в члены Академии речь, восхвалявшую Людовика XIV, столь смело им высмеянного, и вообще при нужде идти на сделки с самим собой в угоду сильным мира.

Предлагаемые читателю «Персидские письма» могут служить как бы научно-беллетристическим введением к позднейшим сочинениям Монтескьё. Хотя к этому времени его взгляды еще не вполне выкристаллизовались, они, тем не менее, нашли здесь достаточно полное от-

ражение и отчетливые очертания. Этим объясняется огромный успех «Писем», которому содействовал блестящий язык произведения, причисляемого к шедеврам французского стиля.

Л. Е. Гальперин

ПЕРСИДСКИЕ ПИСЬМА